

Незаметно сменилось несколько сезонов, и первые опыты Цзи Жаня с тепличным выращиванием начали приносить плоды. Хотя до современных передовых методов им было далеко — белый брезент хоть и пропускал свет и после обработки позволял воздуху циркулировать, но с полиэтиленовой плёнкой и рядом не стоял, — результатами Цзи Жань был вполне доволен.

До того как землю сковало снегом, его овощи росли хорошо, но особого преимущества не имели. С несколькими ресторанами в уезде и городке он заключил договоры на поставку, но цена была лишь чуть выше рыночной, разницей можно было пренебречь. Однако, когда выпал первый зимний снег, сковав горы и погрузив всё в спячку, его свежие овощи и фрукты превратились в ходовой, дефицитный товар. Не только прежние партнёры-рестораторы кинулись к его порогу, но и многие трактиры из соседних уездов, да и зажиточные семьи тоже стали наведываться.

Со всем этим спросом Цзи Жань, конечно, удовлетворить всех не мог, но и ссориться ни с кем не хотел. Он ловко и незаметно подвёл покупателей к аукционной системе — товар доставался тому, кто предлагал больше. Но даже так желающих было хоть отбавляй.

Вскоре на дорогах деревни Лу то и дело стали мелькать разномастные повозки, а у ворот Цзи Жаня не иссякал поток гостей. В это унылое, погружённое в зимнюю спячку время его дом стал ярким, оживлённым пятном. В такую погоду мало кто решался выйти на улицу — ни приезжие, ни даже местные, все предпочитали отсиживаться по домам.

Именно поэтому дом Цзи Жаня так выделялся и привлекал всеобщее внимание. В то время как у всех остальных в разгаре зимы с овощами был напруг, у Цзи Жаня не только на столе были свежие овощи и фрукты, но и близкие ему семьи — Гао и старосты — тоже получали свою долю. Да ещё и на продаже он неплохо зарабатывал. Завистников, понятное дело, хватало.

После нескольких дней наблюдений самые сообразительные начали строить планы.

Однажды, как только стемнело и в сумерках стало плохо различать очертания, к дому пришёл Сюэ Чжунвэнь, глава семьи Сюэ с окраины деревни, неся в руках полоску солонины шириной в три пальца.

Снег, прекратившийся днём, с наступлением темноты вновь закружил крупными хлопьями. Пройти по нему всего несколько шагов — и человек превращался в снеговика. Стоя у ворот семьи Цзи, Сюэ Чжунвэнь отряхнул снег с потрёпанного ватного халата, оттоптал его с соломенных сандалий, подышал на сложенные лодочкой ладони и лишь тогда ухватился за медное кольцо на воротах.

Тук-тук-тук!

Завывание вьюги почти заглушало стук. Сюэ Чжунвэнь дрожал всем телом и уже собрался постучать снова, как ворота открылись.

На пороге стоял управляющий, дядя Чэнь.

— Здравствуйте, дядя Чэнь. Это я, Сюэ Чжунвэнь, пришёл навестить господина Цзи... — Он едва не ляпнул привычное «Цзи-гэр», но в последний момент осекся и поправился:

— ... хозяина.

Дядя Чэнь взглянул на потемневшее небо, потом на тощую полоску солонины в руках гостя.

Собирался было попросить подождать, пока доложит, но, видя, как тот дрожит от холода, сжалился и кивнул.

— Заходите.

Сюэ Чжунвэнь расплылся в подобострастной улыбке, поспешно переступил порог и, дождавшись, пока дядя Чэнь закроет ворота, засеменил следом.

За прошедшее время усадьба Цзи Жаня из просто большой и пустоватой постепенно превратилась в обустроенное жилище. По краям дорожек были высажены зимние сливы и сезонные цветы, которые даже под снегом атели, добавляя красок и изящества. Кроме слив, во дворе, по обе стороны от входа, в художественном беспорядке росли фруктовые деревья, пересаженные с гор. Зимой они, конечно, особо не радовали глаз, но в сезон цветения и плодоношения вид должен был открываться совсем иной.

Деревенские видели, как этот большой дом вырос из земли, но лишь снаружи. Если снаружи он и так вызывал зависть, то внутри Сюэ Чжунвэня и вовсе охватил немой восторг. Идя по двору, он просто не знал, куда смотреть в первую очередь.

И это была лишь малая часть, всего лишь передний двор. Что же творилось в глубине усадьбы, он и представить не мог.

Однако, как бы ни распирало любопытство, Сюэ Чжунвэнь не забывал, зачем пришёл. Когда дядя Чэнь привёл его в гостевую, он не смел глазеть по сторонам, а терпеливо и скованно ждал.

Ждать пришлось недолго. Вскоре после ухода дяди Чэня в комнату вошёл Цзи Жань, в тёплой одежде и с ручной жаровней в руках.

— Дядя Сюэ, что привело вас в такой поздний час?

Голос хозяина прозвучал раньше, чем тот появился в дверях. Услышав его, Сюэ Чжунвэнь тут же отставил чашку чая, которую с наслаждением грел в ладонях, и вскочил на ноги. Вся его напряжённость и скованность были написаны на лице.

Едва Цзи Жань переступил порог, он тут же заговорил:

— Дядя Сюэ, что же вы стоите? Садитесь, садитесь. В такую стужу, наверное, изрядно продрогли?

— Ничего, ничего, сегодня снег уже не такой сильный, как в прошлые дни, — пробормотал Сюэ Чжунвэнь, потирая руки. Увидев, что Цзи Жань сел, он нерешительно опустился на стул. — Э-это, господин Цзи...

— Да что вы, не надо так церемониться, — перебил его Цзи Жань. — Зовите меня, как раньше, Цзи-гэром. Или просто Цзи Жанем.

— Э-э... — Сюэ Чжунвэнь ещё раз потёр окоченевшие руки, прежде чем выдавить:

— Цзи-гэр, если уж на то пошло... я пришёл не просто так. У меня к вам дело, просьба.

— Да? — Цзи Жань был несколько удивлён такой прямоотой и приподнял бровь. — Говорите, дядя Сюэ. Мы же соседи, земляки. Если в моих силах помочь — обязательно помогу.

— Дело в том... — Сюэ Чжунвэнь запнулся, не зная, с чего начать. Помывшись, он наконец изложил суть:

— У нас в семье шестеро: я, старуха, сын с невесткой да двое внучат. А земли-то у нас на восемь душ положено, ещё когда родители живы были, наделили. После их кончины мы ту землю и пашем. Только сын-то мой в школе немного поучился, на учёного не вышло, теперь в городке у людей в конторе писарем служит. Внукам же по четыре-пять годков всего, они что сделают? Вот и остаётся на мне, на старике, весь труд. А земли много, да толку мало, да и не управиться одному. Слышал я, что Гао Дачжуан свою землю вам под теплицы продал. А у меня несколько участков пустуют, жалко очень. Да и вам, Цзи-гэр, тепличные овощи хорошо идут, чем больше земли, тем лучше. Вот и думаю: не купите ли вы у меня те участки? Цену возьмите, как у Дачжуана, можно и ниже... Только бы мне у вас работу получить, чтобы семью прокормить.

Тут он пододвинул лежащую на столе солонину поближе к Цзи Жаню. — Цзи-гэр, это солонина, моя старуха собственноручно солила. У неё в деревне Лу рука лёгкая известная. Попробуйте, как будет время.

— Дядя Сюэ, что вы, не стоило, — сказал Цзи Жань. — Насчёт земли — вопрос решённый. Как погода наладится, ходим к старосте, оформим. Цену не стану сбивать, возьмём, как у Гао. Рабочие руки мне и вправду нужны, но если у меня работать станете, свой огород запустите. Овощи — дело тонкое, особенно поначалу. Но когда процесс наладится, свободнее будет. Главное — работу не запускать.

— Хорошо-хорошо! — Обрадованный Сюэ Чжунвэнь вскочил и принялся кланяться. — Заранее благодарю хозяина!

Цзи Жань рассмеялся. — Да зовите уж меня Цзи-гэром. Вот даже Гао Дачжуан так зовёт. — На самом деле, только сам Гао Дачжуан его так звал, сын его с невесткой упорно твердили «хозяин», и, сколько Цзи Жань ни поправлял, те стояли на своём, так он и махнул руку.

Обсудив дело, Сюэ Чжунвэнь собрался уходить. Но прежде чем он ушёл, Цзи Жань велел ему забрать обратно ту самую солонину, а ещё приказал слугам положить ему с собой овощей и фруктов.

Этот жест тронул Сюэ Чжунвэня до глубины души.

Уже на пороге, помедлив и поколебавшись, он набрался смелости, обернулся и низко поклонился Цзи Жаню. — За прежние наши поступки... за то, что глаза были зашорены, обидели вас... простите уж, хозяин.

Цзи Жань на мгновение опешил, потом сообразил, о чём тот, и махнул рукой. — Что было, то прошло, дядя Сюэ. Не стоит и вспоминать. Дорога скользкая, идите осторожно.

Сюэ Чжунвэнь ушёл со слезами на глазах.

Проводив его взглядом, Цзи Жань тихо усмехнулся. На старые, мелкие обиды он и вправду не держал зла. Куда важнее для него было расположить к себе людей. Только так его дело с тепличными овощами могло развиваться и крепнуть.